

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САМИЗДАТ

ВЫПУСК СЕДЬМОЙ · СЕНТЯБРЬ – ДЕКАБРЬ 2002 ГОДА · САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Стихи пишутся,
а поэзия рождается.

Поэт – это не автор
двух-трех десятков (или сотен)
стихотворений.
Поэт – это итог.
Та самая точка, где скрещиваются
параллельные прямые.

Мысль обманывает,
логика предает...

Стихотворение
растет вверх корнями.

Легче поэтизировать тюрьму,
чем арестантскую камеру.

Бесплодно спорить
с веком,
но не с тысячелетием.

Перечитывая
собственные произведения,
поэт наконец-то находит
своего читателя.

Когда я не писал стихов (в далеком детстве), мне казалось, что стихотворение «строится» по каким-то своим законам. Достаточно их изучить, и тогда можно будет писать любые стихи. И ещё я думал, что находясь во власти вдохновения, можно писать стихи и не соблюдать никаких законов. Но потом оказалось, что вдохновение может быть искренним, а стихи всё равно могут получиться подражательными и даже лживыми.

Рифмованное стихотворение – это военное стихотворение. Есть рифмы ефрейторские, сержантские, лейтенантские, майорские, генеральские. Пишущий без рифм – солдат поэзии или даже дезертир. Он бежит туда, где может командовать самим собой.

Стихи являются пожирателями поэзии даже в большей степени, чем птицы являются пожирателями насекомых. Чем больше появляется стихов, лишённых поэзии, или, говоря другими словами, стихов с переваренной поэзией, тем труднее вновь пишущему поймать поэзию. Ловля поэзии с помощью стихотворных строчек становится всё более трудной. И смешной.

У поэта могут быть удачи, поражения и творческие кризисы. Чаще всего поэт сам знает о своих достижениях и без помощи критика. Поражения неизбежны, и не надо их страшиться. Творческий кризис опасен лишь тогда, когда поэт выходит из него в другую поэтическую систему, чуждую ему.

Поэт, не написавший в жизни ни одного стихотворения, – все-таки очень мужественный человек.

Михаил Кузьмин

СТИХИ 1994–2001

(Ленинград – Иерусалим –
Нью-Йорк)

Н.Ершовой

Шатенка, как белая ночь,
проникшая в каждую пору.
Когда ты себя превозмочь
не хочешь, не можешь и в пору
читать совпадения букв,
считать совпадения судеб...
И счастье дрожащее губ
морозная ночь не остудит.
7.03.2001

В раскрытые окна вливает ночь
на медленном белом коне.
Чарующе блеклая царская дочь
из светлого крем-брюле.
Она вползает в каждую щель,
в пространства каждую пядь...
И, отражаясь в кастрюльке щей,
почти не дает спать.
10-11.06.(?)

Дрезина древнею дорогой кольцевой
разменивает судьбы и года.
Вот атлантический гудит прибой,
вот гладких горок ровная гряда.

И, в ожидании не заливных лугов –
кошачьей лужи Финского залива, –
мерещится сосна, дом у Пяти углов.
И свежесть белого налива.

Хочу в Зоологический музей.
12.2001

Я что-то не был в Риме,
не видел Колизея...
Сижу в Ерусалиме,
На Петербург глазами.
2.03.02

Н.Ершовой

Где я тебя увижу...
Как я тебя найду...
Шастаешь по Парижу,
прячешься в лебеду.
Сиднем сидев два года,
сто дней ещё подожди...
В Сиднее антиподы,
в Ерусалиме дожди.
В Новосибирске слякоть,
В Евпатории сушь.
На Петербург наплакать
не хватит кошачьих душ.
15.11.99.

ИЮНЬСКАЯ НОЧЬ

Н.Ершовой

Итальянское варено
и французское кружево...
От чухонского зарева
небо словно простужено.

На дворцовом крыльце мы –
... и распахнутый мост.
О гранитную сцену
бьёт волна – певчий дрозд.
1.02.99.

ОСТРОВА

Дорога на океан – как бы дорога в Гавань.
Оушен Парквэй – он же Большой проспект
путнику принесут облака край рваный,
воздуха влажный ком, серый стеклянный свет.

Вестов и Линий строй, голых кустов шеренги
соединит океан мокрых солёных губ...
Где-то небо скребут, где-то сверкнул Кваренги.
И льётся джазовый дождь из проржавевших труб...
17.03.96.

*Н.Кушнир.
Е.Хараху.*

Январь. Среди Земли вполне приятен климат
среди зимы. Этаж девятый. Море.
Ионы. Зелень чахлая. Раскинут
внизу пейзаж не хуже лукоморья.

Дымится кофе. Кресло. Сигарета.
Два представителя забавного союза –
Пёс и котёнок. Ждут у моря лета.
Как на картинке с Робинзоном Крузо.
04.97.

Э.Фрида.

На скамейке под осенним дождём
терпеливо тебя подожду,
Поскоблю скамью перочинным ножом,
назову тобою эту звезду.

Выпью терпкого сухого вина.
К бастиону подойду, обопрусь.
В темноте шевелится Нева...
Я не знаю, что тебя не дождусь.
03.98.

Э.Фрида

Кто-то помнит тебя, несмотря ни на что –
восемь лет, океан, катаклизмы...
Смех, картавость, глаза, хвостовство –
Словно жемчуг, на время нанизанный.

В равноденствие снег покрывает Нью-Йорк,
Равно действуя светом и тенью...
И оставленный след – это просто намёк
На грядущие сны и виденья.
9.03.02

P.S.

В рукопашной, муравьиной,
Петербуржской суете –
Даже речки нет Неглинной,
Глины есть, и те – не те.
Нету булошных московских,
Нету кедров и плотин.
Только ржавых крыш петровских
Есть соболий палантин.
Нет Кавказа и Ливана,
Нету Храмовой горы...
Город есть, но без изъяна –
Новой, мутной, злой поры.
03.2001

Город узнаешь по цвету стен
брошенных зданий и –
по сырости стёкол, строгости тем,
по стройности линии.
Даже смотря чёрно-белый фильм
не задаёшь вопрос:
– Где и когда, сон или быть? –
А что-то шепчешь под нос...
19-20.03.02.

Фонтанка – влажная река.
Канал грибоедовский сух.
Мойка туда же. Почти суха.
Пара милых борзых тощих сук
несётся по городу не спеша.
Зная, ох зная толк
в выборе мест, где живёт душа.
Чтобы сбить её с ног.
01.99.

ВЕСНА

Хватает ветра,
не видно почек.
У голых веток
корявый почерк.
У голых веток
привычный цвет,
колючий облик,
неверный след.
И всё же слышно,
почти без звука,
как лезут листья...
Такая штука.
14-15.10.94.

РАЗГОВОР

Н.Ершовой.

Не использовано чувство.
Только жадно выпит голос.
Сколько листьев у капусты
распознать поможет голод.
Ненавидя телефоны,
расстоянию грубя, –
бить терпению поклоны.
И учиться ждать тебя.
6.12.99.

Н.Ершовой.

У меня в руке твой голос –
радость, жажда, грусть, надежда...
Тёплый, как пшеничный колос.
Чуть шершавый. Даже нежный.

Я пластмассовая трубка,
при означенном сигнале, –
только повод для поступка...
Мы ещё не всё сказали.
06.96

Опять шесть-семь оттенков неба
и шпиль, разломанный Невой.
Опять в горсти краюха хлеба,
а за спиной канал кривой.
Опять в пути знобит немного –
не жажда, просто сухость губ.

И в Рим ведущая дорога
опять приводит в Петербург.
11.96.

3

Двигается по дороге
крыша двускатная,
если взгляд назад отвести,
так и застынут в тревоге
глаза, гроза, опусти
ноги, голову вниз и грусти
о том, чего не бывает
в природе, дорога обратная
нижется на восток,
запад с нее срывает
бога, как лепесток
и с головы без предлога платок.

Шанс последний от мгновения
отличается, как дуновения
ветра в березе и в розе,
в поле широком ночью темно,
днем светло, такое давно
повторяется при прогнозе
грозовом, и наоборот
при ясной погоде который год
поэзия движется в прозе.

Тане Михайловской

Плантация усыпана какавеллой,
парное «мя» и белое «ко»
падают низко, прыгает высоко
«ду» перед «ше» в душе
скороспелой
в период расцвета и до рассвета,
и конфета, как молоко
растекается так широко,
что жизнь эта еще далеко,
а другая уже воспета,
и в перепад высот между
строками,
камнепад в водопад легко,
коль значение слов велико,
соль земная бежит потоками.

Тане Михайловской

Юбка-колокол шелестит,
линий ее простота
разных длин и цветов,
одна нитка грустит,
другая шерстит, «ов»
оканчивается на «готов»,
«ох» на «вздох»,
«тра-та-та» меняют места
ног и рук,
«ех» падает в мох,
«грех» адает в стук,
узок земной наш круг.

Так-таки такт
таит опасность
потери быта,
молчанье, точно факт
стоит, зарыта
брюква и умыта
клюква, крюк два
глаза делают не вдруг
вокруг светила,
цвет ила
сер, мышь словно,
бес дорогого стоит,
лес рыж ровно,
у крыш листва жива,
и канавка бежит
с холма баловства,
тьма над землей кружит,
травка лежит, будто провод,
овод не беспокоит ума,
круча по осевой

мчит рост свой,
прост ливень,
туча стучит по клеенке,
буча снует по столу,
и непротивень злу
бьет по зеленке,
йод вытекает из звезд
и перетекает в ненастность,
в безрукавку печник,
в ставку ночник,
снег в камыши,
в собственность души
тростник, как частность.

Окрестность тоже
местность, обстановка
печали, образ
действий, что же,
«два» похоже на первый «раз»,
«буки» разлуки на «аз»,
обхват хат,
дубов, не знает зубов, и головка
чеснока, лука, без звука
тает, горчит, стучит ногами парад
дождей, площадей, излука
реки холодна,
кулаки со dna
руки поднимаются,
из пещеры трое снимаются,
обнимаются мука и скука,
младенец и двое с ним,
им еще не порука.

Начала химии печальной,
они навевают
прохладу в отношениях
между частями
света и путями
его в пруду, и в саду,
и в наскальной живописи,
и в настроениях,
которые только
и носятся в воздухе,
и не столько в небесах,
сколько в голосах
оттуда, и в гробах,
и в горбах верблюда,
и в словах ниоткуда,
и в евангельских повторениях.

Танца теорию
тамошние обитатели
передавали друг другу,
будто историю
смеха ног
на территорию
плача рук,
и по кругу
солнечную выюгу
земные дожди
сочиняли друг другу,
мяч гоняли
смех и плач,
точь в точь воспитатели
чувств души,
от сих до сих их тела
охраняли содержание
и форму ее,
точно шпагоглотатели
между собой
отношения выясняли,
и друг на друга,
два высоких недуга
гребни, расчески, блестя,
полоски роняли.

Красотой отличается
крепкая ткань и цветом
пугает, сбегает вниз
она, на ветру качается,
месяц в небе повис,
точно год, «от» родилось из
любви моей к богу, а не его
любви ко мне в раздетом
лесу, в пустыне, в горах,
мест других нет,
прошло всего лет,
сколько надо, ад до рая и ничего
до начала века, один страх
и нити воды,
послы и сады
без слов о дарах.

Щука возле щуренка,
как «от» до рождения
«вот», суши и вод
в бойком месте
недалеко от пещеры
крепко спала,
римский, н-ский, й-ский народ,
«ог» рядом с «бог»,
глядят на меня, оборонца,
и 2002-й год,
мой спех, точно успех,
делают плавный легко
оборот вокруг «ня» солнца,
нет у слова лица,
троица встала из-за стола,
тень ее вниз упала
и снова на него легла,
руки в звуки,
тысячи в штуки,
«раз» в «два» в «три»,
словно разные щуки
из одного состоянья
в другое перетекают,
они мертвое «же» из «уже»,
«е» из-под «е» извлекают
окончаниями нервными
пятипальными и примечаниями
к ним шестипальными.

Явь такая протяженная,
она, сверкая далеко,
и, мелькая отраженная,
и никакая буква ей,
и шепот слога «ко»,
они от бога и милей,
и топот вымысла скучней,
чем черт и сорт пшеницы,
и облако страницы,
и «даждь», а дождь, как озерко
точней местоименья «ми»
и дней тучней семи,
и языка, и яблока сочной.

Меткое сравнение
поднимается с земли до небес,
и понимается цель
речи, как ель в метель,
есть и другое мнение
о мечтательном виде
овец, и близок
конец света
для них одних,
он в родительном лих,
а в дательном тих,
и слово на стих не в обиде.

СТИХИ 1977-1997

ПРОСТОРЕЧНЫЙ СОНЕТ

«И с горки скатиться, и задницу не ободрать»
 Хотелось всю жизнь, хоть не больно-то и получалось.
 И вроде не зла — да, видать, и не слишком добра.
 И вроде не дура — но разума самая малость.
 Снега поднимались, как тесто, в кадучке двора,
 Где тяжесть с утра, а под вечер — хандра и усталость.
 И краской стыда за меня обливалась гора,
 А за полночь — в звезды тяжелым горбом упиралась.
 И все, что вершилось, — какой величавый глагол! —
 Все было помимо меня. И метала на стол
 Судьба разносолы, и скулы от скуки сводило.
 И глупое счастье, как дрожжи, по жилам бродило.
 И горбился письменный стол

Невозможно дважды прочесть
 одну и ту же книгу. Сколько ни листаю —
 не вижу той, единственной фразы.
 И знакомый текст норовит обернуться бредом.
 Сколько ни вглядываюсь в глаза —
 лишь усталость в них вижу, милый.
 Скоро, скоро дождь уступит дорогу снегу.
 Разноцветный сентябрь —
 как томик сентиментальной прозы.
 Ничего невозможно дважды, и где-то рядом
 Гераклитовы реки гремят, черные камни проносят мимо.

У Веронезе — толкучка на облаках.
 У Порденоне Джованни — увы и ах —
 дружелюбно слушает ангела святой Рох,
 поправляя обувь на мускулистых ногах.
 У ангела плечи заросли мелким пером
 И взгляд ткемалевых глаз блаженно-прост.
 Недоверчиво вглядываюсь в холст,
 как глухой вслушивается в далекий гром.

САД КАМНЕЙ

А в следующий раз он родился в пустынной стране,
 Где не было храмов буддийских, однако, камней
 Хватало на склонах, в продутом насквозь редколесье.
 И так удивлялся блаженно-блажной пустоте,
 Когда проплывали над ним в голубой высоте
 Два облака белых. И ветер гудел в поднебесье

То ли смертию смерть, то ли жизнью жизнь поправ,
 выкарабкиваться из темноты. Напра-
 во-налево-не-разбери-поймешь,
 там, где наотмашь хлещет солоноватый дождь.
 Сквозь чертовщину и бормотанье трав
 вымолишь, выползти, вновь увидеть — кровав
 солнечный диск на закате, а на восходе — ал.
 И нестерпим луны ледяной оскал.

Все выло и выло. Гудело. Металось. Рвалось.
 Мело. Куролесило. Тонкие ветки ломало.
 — Ну что, наигралась, шальная душа? Улеглось?
 Куда там. Опять и опять круговерть начиналась сначала.
 И вот — когда мутная вышла на небо луна,
 И ветер утих, и окончился вальс рукопашный,
 И ты восхитился, какая вокруг тишина, —
 Вот тут-то и стало
 Безумно. Безудержно. Страшно.

Заметив в первый раз, что мир сошел с ума,
 Что честных ждет сума, а праведных — тюрьма,

Ты возопишь и обратишься к Богу
 С проклятьями. Но потерпи немного.
 Покуда с тем же — пятый раз иль сотый —
 Столкнувшись, Господу не воспеешь хвалу
 За эту жизнь, распятую в углу,
 За мглу безлюбья, замыслов золу
 И жгучей радостью наполненные соты...

Конечно, кто-то выжил. И пророс
 сквозь мусор и песок, сквозь музыку и скрежет.
 И даже стал сосной — и вот туманно брезжит
 величие в кривых его ветвах.
 Бугристый ствол вблизи внушает страх,
 но тонкий умудряется ценитель
 теперь в нем находить — о, только пальцем ткните! —
 Гармонию, а также Красоту.
 Ценители не дремлют на посту,
 владеют топором, и разговором,
 и странным жанром исповеди хором...
 ...И стыд, как старый ноготь, в мясо врос.

БРАТУ*Человек человеку.*

Пожалуйста, поспорь со мной! Скажи,
 что все не так. Что я не понимаю простых вещей.
 Что, безусловно, лживы все доводы. Что логика хромает
 моя. А выводы... Кричи, родной, брани,
 без удержу вокруг обиды множа,
 Еще последняя связующая нить —
 возможность спора — существует все же.

Там, где Бог отдыхал, обозначилась впадина — дол.
 И холмы в изголовье, покрытые зеленью влажной.
 И природы душа полусонная дышит протяжно,
 Словно вал перекатывается или шевелится вол.
 Что запомнил суглинок о тяжести Божьей? О тех
 Непомерных мгновеньях в преддверии нового чуда?
 Прозабание истины из никуда в ниоткуда
 Сквозь полынную горечь утех

ДОРОГА В ОКТЯБРЕ

Это не было смертью, но жизнью не было тоже.
 И клубилась земля, а небо давило твердью.
 (Так безумье родной державы на жизнь похоже —
 и клубится, и давит — а пахнет все-таки смертью.)
 И когда из тумана куст выбегал погреться
 в этом марлевом свете подслеповатых фар,
 отчего-то сжималось и падало злое сердце,
 и солеными брызгами лопался алый шар...

— Это наше право делать из жизни смерть,
 камни из хлеба, а из любви — похмелье.
 Мы за него заплатили, и его у нас не отнять,
 как не разжать губ, покрывшихся цвелью.
 Оно уходит корнями в трещины наших снов.
 Крона его легко заслоняет небо.
 Спелая мякоть его железных плодов
 слаще крови, пьянее гнева.
 ...Не говорю, что понят, но говорю — любим
 черной пылью-пылью, следующей за ним...

Тебя нет — и всё легче любить тебя.
 Не мешают ни ложь, ни правда, ни запах пота.
 Если вечности краешек теребя,
 начинаешь думать, что это тоже работа,
 лучше лечь на холодный пол, и закрыть глаза,
 и следить, как пульс растворяется постепенно,
 сквозь без-смертье — навзрыд — выныривая назад
 белой пеной к ногам твоим, белой пеной.

5

И не зная ни утра ни света
беспокойства весеннего для
я в вагоне сию без сюжета
и глазею на девушек-бля.
А калека подносит открытки
всяких тварей: купи-не хотишь?
завяжу шнурок на ботинке
потянусь и того – поспишь.

Гуляют волны. Надоело.
По променаду то и дело
идут приемники и пр.
Улечься между – ноги, роги
мужчины – сила – носороги
загар прилип и в воду – брр.
Плещусь у берега, ныряю,
корабль военный наблюдаю
и громко повторяю – фрр!
А выйду – волейбол. Понятно.
Украли кошелек. Занятно.
Ну и т. д. и просто др.

Есть во всем такое вот
отчего душа поет
грузди – лужицы на шляпках
прижимаюсь плотно – зябко
и за шиворот – отвесно
так торжественно – и тесно
одесную и ошую
мысли умные шинкую
и гляжу – тропинка вроде
/это, кстати, о свободе/
и – и длинно, длинно – и
полете-ли-и.

Пойти куда течет река
и раствориться – облака –
у дерева – пусть будет ива –
пусть две былинки и крапива –
все отражается опрятно
и утекает аккуратно
вода – пузырьки, жучки
и очень хитрые крючки –
играет – булькнул поплавок –
и подцепил, и поволок
а сердце – ай
и – ой какой! –
хватает жадною рукой.

Пошумел, погулял, посудачил
и исчез:
просто шел и упал –
унесли.
Хорошо
нашлось кому кинуть
в могилу земли.

Тихо е и мое – разлилась
мы поднялись, шли виновато
и глядели – хотя бы куда-то,
допотопная булькала грязь
и из слизи, из жижи росло
лай и порсканье – и понесло
из тумана из белого – ноль:
появился вагон, и пароль –
проездной.

Из месива – крутит:
не жди, обгоняй –
забрызган портфель,

инвалид – ай-яй-яй
кивает без смысла
проносятся числа:
разумная доля риска.
Он весь – здесь
в Страстной понедельник.
Горе
через кого соблазны придут.
Но он
не при чем
вроде бы
другая арифметика
плюс междометия
и воздухо-плавание
через лужи
до машины
скорее, нужно
зарифмовать «блиц» *
с партией пасхальных
липовых яиц.

* здесь - активное движение
в Страстную неделю

Слова закручены
в поисках – не поймешь
он сам не знает
водящий строку
путанные заячьи следы
лужи затянуты корочкой, блестят
плоти мало
и смысла –
чтоб провалиться
в точную речь.

Вязь циферблата
и последние –
«гражданочка,
мне селедки, пожалуйста,
инвалид войны».
Длящиеся в иную жизнь
провалы
медленное растворение
и переход.
«Дед, причастишься?»
Кажется, понимает:
кивнул
и тут же уснул
вышел
мол, посиди у окошка.
Яблоны – помню ее узор – и серпик.
Кар-р.

Из нечувствия
ибо окаменело сердце мое
и нерадеет о спасении душа:
сохрани в ограде Церкви Твоей
от помышлений суетных
отврати
и –
долгое бабушек пенье
записочки
поминальные
за десять
и за пятьдесят
со-средо
точива
медо
молитва
душу питает.

Вот – точка это. И точка опять.
Утро туманное – долго молчать.
Утро незрячее, без запятой,

бродишь по комнатам – слабый, пустой
прочий – в тумане легком своем:
прочерки, точки, и все – ни о чем.

В час беспечности далекой
возле у какие сны
мы с тобою, друг широкий,
в беспокойствии луны
мы с тобою, друг просторный,
перед – что там впереди? –
говорим: рукав узорный
отмахал давно в груди
мы с тобою, друг склерозный,
после, за, давно назад
слышим весело и звездно
колокольчики звенят
декадентские напевы
бормотанье старой девы.

Море
так неспеша
о скалы
что
пш
прохладно
забульк чайка у
а все-таки
отмечусь
окунусь.

Сегодня во мне совершалось движенье
похожее на вдевание
нитки в иголку
с непременным промахиванием:
не туда
и опять возвращенье
пока не
прошел в игольное ушко
и поспешил к вечерне.

Пере-вопля пере-вода
много всякого народа
пробегают в уходящем
и совсем не настоящем
бритва ровненько прошла
и осталась буква «А»
где-то за. Просто
«Я» со знаком вопроса.

Чистый Понедельник
ты меня прости –
возьму веник
подмести.

Полоска веселая тела
и свежих просторов очки
тебя я хотел
он хотела
движения грубой руки
мейнстрима малины молчанья
кусков чужого вниманья.

а оно не вертится
не совершает ходов
выбегает весь день
и останется
ну
и не знаешь куда податься
перечеркнутый.

СПОКОЙНЫЙ ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

(Поэма)
 . . .
 декабрь
 ноябрь
 октябрь
 сентябрь
 август
 июль
 июнь
 май
 апрель
 март
 февраль
 январь
 ...

ГЕРБАРИЙ ВРЕМЕНИ

Эрику Симону

Мгновенная радость
 огонь
 руки

пепел
 Вчерашняя еда
 вода
 хлеб
 соль

Прошлогодня встреча
 поцелуй
 смерть
 слезы

Древний город
 песок
 руины
 ветер

Бывший раб
 страх
 зависть
 гнев

Старинная мудрость
 тишина
 сон
 остров

СЕНСАЦИЯ

1	+	1	=	1
2	+	2	=	2
3	+	3	=	3
4	+	4	=	4
5	+	5	=	20

КОЛДОВСТВО БЕЗ ВОЛШЕБНИКА

дерево из металла
 совесть из молекул
 кровать из многоточий
 улыбка из ожогов
 бумага из сомнений
 душа из опечаток
 тупик из вдохновения
 ветер из молчания
 будущее из пережитого
 сравнение из пустоты

Между тайной и разгадкой –
 Фиолетовый паук,
 Между ухом и дубиной –
 Ультразвук.

Между прошлым и старухой –
 Велотрек,
 Между нотой и эстетом –
 Дровосек.

Между истиной и стоном –
 Толчея,

Между сердцем и чарльстоном –
 Я.

ДОМИКИ ДЛЯ СЛОВ

расскажу своими словами день
 и час
 и ребус
 и песнь песней
 напишу что изюм
 тает во рту
 как снежная баба
 и обрадуюсь
 что она отправилась
 в кругосветное путешествие
 рано утром
 30 февраля
 сразу после
 реформы календаря
 а когда увижу свет
 в конце тоннеля
 обязательно вспомню и свет
 из воздушного замка
 и брошу свои слова обратно
 в голову
 в тело
 в каждую клеточку по одному слову
 чтобы им там дышалось
 свободно.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

На могиле Эдипа
 не растут Софоклы.
 На могиле Дон Кихота
 не растут Сервантесы.
 На могиле Гамлета
 не растут Шекспиров.
 На могилах читателей
 не растут стихи
 а на губах – растут...

**Из цикла
 «СМЕРТЬ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ»**

велосипед скончался
 в половине третьего
 за час до рассвета
 за четыре до завтрака
 за месяц до свадьбы
 за год до второго дыхания
 и за минуту
 до умножения
 двухсот шестидесяти четырех
 на сорок пять
 и шесть десятых...

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

,с,п,о,к,о,й,н,о,й,н,о,ч,и,

Люблю тебя задним числом
 прошлогодним снегом
 увядшими цветами
 утраченной наготой
 переваренными объятиями

Люблю тебя книгой возвращенной
 в библиотеку.

СТРЕМЛЕНИЕ К ПОКОЮ

В день который пришел
 понедельник
 и ушел понедельником

В час который
 назначил расставанье
 и простился без слез

В миг который увидел смерть
 и захлопнул книгу

Я все еще размышляю:
 сбрить мне бороду
 или сжечь корабли...

СВЕЖЕВЫРЫТАЯ БЕЗДНА

Виктору Богораду

Роса охлаждает ночные анекдоты
 озорные и фиолетовые.
 Ветер иронизирует над ураганом
 нового тысячелетия.
 Трава растет в театре комедии
 после пожара.
 Пыль улыбается сквозь стекло
 издевательств.
 Ласточка разбивается насмерть
 ради искусства.
 Солнце всходит и гаснет
 одновременно.
 Мне смешно, и я хохочу
 чистосердечно.

**ПЕРСОНАЖИ
 ИЗ ПРОШЛОГОДНЕГО ТЕАТРА
 ОДНОГО АКТЕРА**

убитый
 умерший
 и спящий

**И КРАТКОЕ, РАЗМАХИВАЮЩЕЕ
 САБЛЕЙ**

сайка зайка байка балалайка
 спайка чайка лайка таратайка
 шайка майка гайка перепайка!

* * *
 К фотографии Е. Гуро
 сидит на полу
 в руках кисти
 за спиной у нее
 этюд
 за спиной у этюда
 окно
 за спиной у этюда
 МИ

ЖИЗНЬ
 Вот я

 А вот и не я...

ПЕСЕНКА ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

Тихону Чурилину
 Как у Смольного собора
 Три жида поймали вора
 Оказался тоже жид
 Потому что он бежит
 словно жид
 Потому что он дрожит
 словно жид
 Потому что он визжит
 словно жид
 и – убитый –
 он лежит
 словно жид

* * *
 В ЖЕЛТОМ ДОМЕ
 осени
 ЧЕРТИКОВ ЗЕЛЕНых
 поймать пытаюсь.
 О, грусть!

ЖИЗНЬ
 вав!
 вав! вав!
 вав! вав! вав!
 вау
 гав!
 гав! гав!
 гав! гав! гав!
 гау
 хо
 хо-хо
 о-хо-хо
 ХАУ

* * *
 «быть может балтийские хмурые ветры
 вплетает она в свои серые гетры?»
 а может быть просто
 она проститутка
 и к миру относится
 чужь как
 и чутко?..

ВАРИАНТЫ
Вс. Некрасову
 1
 видишь
 вот и дожили
 друг до друга
 2
 выжили
 никогда еще такого
 не случилось
 3
 пришли
 вот только —
 зачем?

4
 вот
 вот так бы
 и всегда

* * *

А. Макарову-Кроткову
 как бы ночь
 как бы ладно
 хотя
 если как следует вдуматься
 как бы утро...

* * *
 детское —
 все что становится вечным:
 воспоминание
 смерть
 надежда

НИЧЕГО
 (роман в буквах)
 1
 нет
 ничего
 больше
 2
 ничего больше
 нет
 кроме тебя
 3
 больше тебя
 ничего
 нет
 4
 тебя
 больше
 нет
 5
 больше
 ничего

ЖИЗНЬ
 приходит
 уходит
 существует в виде
 бесконечной смерти

СМЕРТЬ
 отсутствие
 пустоты
 в пустоте

ВРЕМЯ ДО-ЖИТЬ
 через год
 мама
 будет старше
 бабушки
 умершей в 59
 через год
 сестра
 будет старше
 Моцарта Рембо
 и Александра Сергеевича
 Пушкина
 через год
 я
 буду старше
 Иисуса Христа...
 дожить бы
 до завтра
 (Лето 1992 г.)

ТОГДА...
М.И.Г.
 когда я пойму
 как я научился
 не бояться этой жизни
 я пошлю тебе телеграмму:
 я — умер

ОБРАЩЕНИЕ
 решаю
 обратиться на «ты»
 к дереву
 говорю ему:
 эй! ты! дерево!..
 и оно
 выходит из себя
 и идет ко мне
 своим плавным
 тополиным шагом
 улыбка у него
 немного загадочная
 монализина

* * *
 морщины
 на коже 90-летнего
 Роберта Фроста
 на чемодане
 пупырышки волнения
 холода
 растерянности
 безнадежности
 рельефное изображение
 сердцебиения

ИСХОД
 лицо в 3/4
 на свет
 в сторону полета
 мотылька
 жизнь в 3/4
 мотыльковая
 быстро-летная легкость
 за ней
 начинается
 восхождение
 со скоростью
 т о г о
 света

* * *
 Мы в смерть растаем постепенно
 Ты это жизнью называла...

* * *
Н.Дронникову
 1
 учусь
 говорить
 в школе
 немых
 2
 погружаюсь
 в глухое
 безмолвие —
 не по гордыне
 из смирения
 перед
 Господом Словом

 Черная шляпа,
 белые пальцы.
 В сердце наляпан
 облик скитальца.
 Шхуна вся в жалобе –
 шторм ей не редок.
 Вышел на палубу
 дерзкий мой предок.
 Берег по борту –
 горы и скалы.
 Волны – эскортом
 и – опахалом.
 Якорь в походе –
 гирей железной –
 цепь на исходе –
 падает в бездну.
 Плач повторился,
 крик многократный.
 Кто-то родился.
 Час незакатный.

 Еще бежит собачка –
 в душе моей заначка
 ласкающего взгляда,
 растрченного вдрызг.
 По полстакана яда
 я принимала кряду,
 и плюс еще хваленых.
 до слез соленых брызг.
 Железное здоровье –
 уж больше не коровье:
 ржавеет на морозе
 архангела труба.
 Шипы желанны розе –
 враги почивут в бозе.
 Бежит моя собачка,
 заначка и судьба.

 Жестокость игры без правил
 мой ангел взял и исправил:
 отнял великую цель.
 Она, мол, не много значит,
 бросай себе кости и мячик,
 и не садись на мель.

Но с ангелом я не согласна.
 Да, с целью играть опасно,
 а без нее – зачем?
 К чему мне бескрайнее поле,
 к чему мне бездумная воля –
 я мерить их буду чем?

Поставь мою цель на место.
 На «так» мне неинтересно,
 как будто вся кровь замерла,
 и кислород перекрыли,
 а ты будто птица без крыльев,
 и я твои перья сожгла.

 Дождик был мастеровит –
 под землю травка спит,
 он стучал, стучал, стучал.
 чтоб она проснулась.
 Даже землю раскачал,
 точно в люльке укачал –
 а травка повернулась
 на другой бочок –
 и молчок.

Досмотреть бы сны
 до весны...

 Угол зренья
 равен углу паденья.
 Тело скользит вниз,
 до положенья риз,
 до самых врат ада,
 туда и надо.
 Там – воздам:
 синяя кровь – кипит,
 зеленая кровь – варится,
 желтая кровь – спит,
 красная кровь – старится.
 Можно ли воспарить?
 Где оно, избавление?
 В нужном ли направлении
 взялись дорогу торить?

Душенька, что ж ты поешь? –
 Только что слезы лила.
 Лучшее тело найдешь,
 прежнее выжги дотла...

 Третий, четвертый, пятый...
 Все тело покрыто глазами,
 и все они видят разное:
 одни – что жизнь – это смерть,
 другие, что смерть – это жизнь.

 Опечатка, опечатка –
 так заложена взрывчатка:
 в нужный срок, в один момент
 разлетится монумент.

Слово встало выше крова!
 Я должно быть нездорова –
 мчатся еры, юсы, яти –
 нет реформы без изъятий!

Гласный больше несогласный,
 а согласный звук – ужасный,
 барабанит он, как встарь.
 Где спасительный словарь?

Я смотрю в него из ада.
 Иностранных слов не надо...
 И отборным русским златом –
 кто-то кроет, кроет матом...

 Мне все равно
 чурбан или полено –
 то и другое только топором,
 а я не дровосек на этом свете.
 Взгляну в окно – сирень цветет,
 и по колено небо... пером не описать...

 Долго ли, коротко ли –
 коротко, коротко.
 Скучно ли, весело ли –
 весело, весело.
 Ложно ли, истинно ли –
 истинно, истинно.
 Грешно ли, праведно ли –
 праведно, праведно.
 Вечно ли, суетно ли –
 суетно, суетно...

 Костер не мой. Затоптана поляна.
 Два пьяных мужика на свалке ящик жгут.
 Струится в небо дым, стремится в высоту,
 и на лету багрово гаснут искры.
 Куда податься мне? В Аркадию, пожалуй.
 Усталый взгляд мой там приободрится,
 и пицца нежная насытит брюхо,
 а ухо насладится песней поздней.

Врозь легче. Видится во сне:
 не то поляна, ставшая помойкой,
 не то посудомойка у кормила власти –
 в балласте сна надежда на спасенье,
 под сенью смачливой столетней
 все сплетни, свары, склоки
 в клочки порву и брошу ветру –
 НА!

 Город – мир.
 Но мир не город.
 Рогом в стену упираюсь.
 Раем прошлое зову.
 В урне вспыхнула бумага.
 Мага нет собрать золу,
 злу добро поставив против –
 вива вита – виво, виво...

 Жизнь чужая ходит в масть,
 шась – и снова бит мой козырь.
 В розу шмель влетел от счастья,
 власть небес над всеми нами.

Мне плевать, как лягут карты,
 фарт дурной со мною дружен,
 нужен только тихий голос,
 волос долгий, чтоб связать.

Память – память, воля – воля –
 это я в седле качаюсь,
 чаю выпив спозаранок,
 раны – черви, козырь – буби...

В бубен бьет чужая дама,
 раме с золотом подстать,
 стати пиковые – крести.
 Редкий ход – предугадаю?

 Звук звучит, и гладит гладь.
 В лад божественному хору
 ор земной с мотивом сладил,
 кладезь терций и октав
 разворован, разворован...

 Тихость дачного поселка.
 Елка лапой погрозит
 и зеленою иголкой
 злое сердце занозит.

Оземь шлепнется из тучи
 лучший миг чужих эпох,
 и какой-то потрох сучий
 скажет, чем он был так плох,

что его с другого света
 запузарили сюда:
 наша старая планета
 подходящая среда

для тончайших мыслей свитков,
 карнавальных взоров брызг –
 чтоб раздергать все до нитки,
 врезать, вмазать, всласть и вдрызг!

 Жара отпустила.
 Посыпались с неба
 холодные искры
 угасшей планеты,
 а может, кометы,
 а может, ракеты ...
 Зачем это люди читают газеты?
 Скандалы, обвалы, убийства и драки –
 все враки и враки,
 и так мы во мраке...

Итак, мы во мраке...

СтихООпыты

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

КАЛЬВАДОС... КАЛЬВАДОС...
(Э.-М.Ремарк. Триумфальная арка)

кальвадос, рюмка и двойная порция
рюмка вишневки
польская водка
бокал кальвадоса
рюмка водки
«анжу» разливное розовое, графин
арманьяк
бутылка коньяка «Курвуазье»
стакан коньяка
рюмка кальвадоса
еще одна
небольшой графин водки
«дюбонне», две рюмки
коньяк, рюмка или две
графин водки
кальвадос, два двойных
черносмородиновая наливка
кальвадос, полбутылки
стакан коньяка
коньяк 40-летний, два бокала
водка латвийская
кальвадос старый, бутылка
он же, остаток
«легкое вино Прованса»
рюмка коньяка
рюмка коньяка
две бутылки коньяка на троих
«вуаре» урожая 1934 года
и еще «вуаре»
рюмка кальвадоса
рюмка коньяка
кальвадос
кальвадос
графин розового на двоих
вермут
четыре рюмки перно
водка
коньяк
кальвадос
коньяк, бутылка на двоих
вермут
зубровка
водка
арманьяк
графин пуйи
кальвадос
графин вина
рюмка кальвадоса

СМЕРТЬ В ВЕНЕЦИИ

(Э.Хемингуэй. За рекой в тени
деревьев)

Negroni,¹ двойная порция с сельтерской
джин и кампари
сухой мартини
рюмочка аперитива
еще одна
рюмка сухого мартини
большая рюмка очень сухого мартини
кампари и джин с содовой
хорошее шотландское виски
и настоящий джин Гордон

шотландское виски с содовой
сухое мартини «Монтгомери»
«Ancora due Martini!»²
водка
еще по одному мартини
два «Монтгомери»
Capri Bianco (сухое)
вальполичелло
редерер 1942 года
еще бутылка редерера
перье-жуэ
бутылка вальполичеллы
еще одна, запасная
и еще графин
фляга
бокал
второй
еще один
два сухих мартини
бутылка вальполичеллы
vino secco³ со клонов Везувия
глоток джина из фляжки
еще глоток джина
еще один
граппа

¹ Вермут

² Ещё два мартини! (ит.)

³ белое вино (ит.)

ХЛЕБНЫЙ КВАС

(Леонид Брежнев. Возрождение)

Однажды детом, в самую жару,
я пригласил в себе предоблплана
и зав. отделом местной промышлен-
ности Днепропетровского обкома¹.
Сперва потолковали о делах,
и говорю как будто между прочим:
– Неплохо б выпить хлебного кваску.
– Да, хорошо б, – в ответ они кивают.
– А производят в области его?
Те даже поперхнулись:
– Нет... пока что... –
смущенно отвечают.
И тогда
я незаметно кнопку нажимаю,
и секретарша вносит в кабинет
жбанок с домашним квасом, принесенным
сотрудницей обкома.
– Угощайтесь!..
Облплан тогда с успехом возглавлял
Г.В.Дрюченко, старый мой знакомый, –
мы с ним служили в танковых войсках
в одной и той же роте в Забайкалье.
Он сразу же смекнул, куда клоню.
– Ну как квасок, Григорий? – вопрошаю.
– Займемся, – без заминки он в ответ. –
Сегодня ж соберем людей, обсудим.
– Да как же вам не совестно, – стыжу
собравшихся. – Здесь, в кабинете, жарко,
а каково у домен, у мартенов?
Чем сталеварам жажду утолять?
И кто, ответьте, как не облплан
и местная промышленность должны
заняться квасом? Назовите сроки!
...Дошло. Еще и лето не прошло,
как хлебный квас внедрили в производство.

*Ради смысловой жертвую ритмической
точностью. *Переводчик.*

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ШЛЯГЕРА
ВАЛЕРИЯ ЛЕНТЬЕВА
(Монорим)

*Полюбите пианиста
быстро-быстро, очень быстро.*

Полюбите пианиста
баяниста бандуриста
фокстротиста романсиста
литавриста фанфариста
тромбониста валторниста
блокфлейтиста органиста
баритонсаксофониста
и электрогитариста
полюбите вокалиста –
не солиста так хориста
мелодиста-реалиста
или додекофониста
полюбите лениниста
отзовиста уклониста
анархо-синдикалиста
лейбориста и троцкиста
конституционалиста
интернационалиста
анархиста монархиста
террориста пацифиста
полюбите каратиста
дзюдоиста слаломиста
бейсболиста гандболиста
пушболиста футболиста
скутериста каноиста
барьериста культуриста
полюбите китаиста
эллиниста германиста
эссеиста новеллиста
публициста фольклориста
юмориста афориста
пародиста памфлетиста
полюбите верлибриста
или палиндромиста
полюбите оптимиста
пессимиста дуалиста
альтруиста ригориста
гедониста эгоиста
полюбите скандалиста
шантажиста афериста
полюбите морфиниста
мазохиста и нудиста
полюбите мариниста
портретиста копииста
баталиста и жанриста
заодно анималиста
кубо- эгофутуриста
экс- и импрессиониста
либо некрореалиста
либо суперреалиста
радиотелеграфиста
или дизельмоториста
архивиста букиниста
паспортиста говночиста
кинодокументалиста
или тележурналиста
индуиста дзенбуддиста
кальвиниста и баптиста
руссоиста и фрейдиста
вейсманиста-морганиста
полюбите окулиста
протезиста массажиста
доктора-гигиениста
лектора-пропагандиста
кроссвордиста чайнвордиста
фалериста и бониста
конформиста плюралиста
пацифиста нигилиста
финансиста-карьериста
крупного монополиста
Время скачет
Жизнь терниста
Полюбите пофигиста

самиздат

ТЕКСТЫ • ФАКТЫ • КОНТРВЕРСИИ

**НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ,
ПОЛУЧЕННЫХ ОТ КОНСТАНТИНА
КОНСТАНТИНОВИЧА
КУЗЬМИНСКОГО С БЕРЕГОВ РЕКИ
ДЕЛАВЕР
ПО ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЕ НА
ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОПУБЛИКОВАТЬ
ТЕКСТЫ В АКТЕ**

«...нарисовались-таки хотя можно было б и пораньше а то теперь я старый, злой, гиперкритичный – прям по ходасевичу в каждой публикации – эллика, барачников-арефьевцев, АКТах, фактах, даже – «шушко о клевере» (сегодня пришла) – вижу лишь изъян и потому – малокоммуникабелен...»
3.11.02

«...КАКИЕ «тексты»? их – под ТРИ тома антологии (неопубл.)...
...а у вас, что, нет своих младней...нешто звать варягов и франков из ню-иорка и калифорнии, моих ученичков? – могу...»
5.11.02
(Стихи Евгения Австриха присланы ККК)

«...лаконических текстов у меня категорически нет...вот, разве что, зачин к “лордвилльским эклогам” – а и то, пространственный, а уж “н.к. на долгие сороковины” – и ваще, ни в какие АКТа не лезет (“не резать же – хорошую вещь – пополам!...
...единственное категорическое условие для публикации: не менять НИ БУКВЫ, НИ ЗНАКА в публикуемом, сокращения – оговаривать...»
7.11.02

Константин Константинович Кузьминский издал многотомную антологию поэзии советского андерграунда «У голубой лагуны», однако большинство его собственных текстов не опубликовано. Печатаем «Сороковины» без сокращений.

**Н.К. И ДОЛГИЕ СОРОКОВИНЫ
ПО СОРОК ЛЕТ НАЗАД
И НИКОГДА**

*“я посетил твое кладбище,
подруга трудных, **трупных** дней!
и образ твой светлей и чище
рисуется в душе моей..
(н.а.некрасов/ккк, псс,
1948-53, т. 1, стр. 51)*

1
**со сладострастием старой
девы
перечисляет кто умер а кто
ещё нет**
и сладки её напевы
глубок и внятен минет

из прошлого девы сливы
и вишни на внешней рта
в тамбове и питере сифилис
взывает ведущими ОРТа

дрянной девчонкой в печонках
в почках же лунный камень
распялена рыбой на палочках
каплет ствола её камедь

в щель кактусо пролетел кабан
позабыв искусство икебан
и метсуке из осаки давеча
жёлтым телом подразнила
чавычой

память сорока недужных лет
лубенского лубеницкого не в цвет-
е – а в чёрно-белом лемхина
говоряща осипу “лехайм”

лосеву лососем проплывать
промеж ног увядшей лили панн
опершись гузном на парапет
лядвеей танцует лиепа

мёртвый город полон жирных тел
жареным запахнет охта та
очередь в какой-то жилконторе
от ухты и дале до охотска

ося с мишей парятся в крестах
с аннушки воинственно привстав
и воняет прелая кирза
и замшелая шахна (не по уставу)

а папаша паша не указ
даже если зять его тоом
оба не вошли в московский том
город пятый взятый наугад

митрофаньч и попов не зря
выжили выжиливая суть
вялая мошонка навесу
возле мочевого пузыря

gana ridibunda сделав квак
на БГ похожа шевчука
и колибри вякостно поют
коих представляет коллаген

2
и ёжик несвежей редиски
в тоске вспоминается днесь
глухую наяду потискав
спускается с бота денис

и коврик тимура у входа
в петровский с кальсонами зал
курёхин прошедшего года
центральный сгоревший вокзал

вокал не указан в программе
и райскин качаясь висит
и пахнет не пирогами
всё русскоязычное СМИ

и всяко не шипром шиманский
а мерина вани потком
слезает с кухни шлимазл
кульбитами под потолком

ах эти невинные игры
у девы на белом лобке
блистают опревшие икры
сползая в трёхрядку лю-бэ

и тщетно медведева стонет
в объятьях дружка паука
не встанет не встанет не встанет
заря на брильянте пупка

дано утонуть в делавэре
на пищу гугнявым угрям
погоде и ветру доверясь
с тяжёлой башкой по утрам

3
ах не в вепсах же дело их семья
с белоглазую чудью уйдя
и напрасно печатает “смена”
топорова в скакалку игру

мак не мак голым задом макаки
зашумели **дубы колдуны**
и не макину вторит маканин
заплета всероссийский колтун

сколько их в городах или всеях
на весу на свету на устах
и проректором есин а еськин
породил крестоцветных (пардон)

ах туманы мои растуманы
на ямайке на майке в штанах
растафары и – гм – растаманы
на промасленных всквозь
шатунах

а буксир поспешает в нетленку
бощман лосев а кэп – сам и.а.
заверните останки в клеёнку
положите поодаль а.а.

расчлените а то четвертуйте
на стокгольм и венецию чтоб
питер с амхёрстом не обделите
в передаче воскресной ЧП

через чоп чтобы чуб колыхаясь
от бердичева до бухары
за винтовку морковку каховку
но в баул завернув барахло

только вымерли в ладоге нерпы
вепсов семья подсохло уже
перманентом закручены кудри
на губах и на ляжках Тэ-Жэ

4
старая дева оставь свой прикол
молча кладу лиловатый на стол
молча топор поднимаю до лба
лёно фиксатого болт не долбит

вышел же вышел же “хвост от кузьмы”
с глебушкой ранним – приди и возьми
глезер привёз показавши ю.б.
(третий который на “г” и на “б”)

вшами лобковыми м.ш. оброс
тщетно нашарит ширинку матрос
клапан откинут и выверен клёш
пара резиновых алых калош

пара не новых кассет от хвоста
“аукцион” с ним играть перестал
и перистальтика словом “кобзда”
(кобзевым игорем) пел козодой

пил козлодоев мгновенья весны
где-то есть в фильме творений исток
полно – гайдаем иссяк и истёк
настежь положен – приди и возьми

точно – в брильянтовой было руке
песня “дубы-колдуны” и на “ке” –
был “козлодоев” мелькнувший как
факт
выпетый козлоголосым БГ

так вся история новых стара
деве подобна которая нынче
всунула мне свою “янь” через “инь”
по интернету поэта достав

мне же всё мнятся ижорцы и вепсы
непропечённые сельские хлебцы
склизкий огурчик в кадушке у входа
северных бласт и колхоза природа

путь до кабожи просёлком месили
в двух рюкзаках квакш пуды голосили
ели потом отодрав у них ножки
уксуса я перебухал ништяк

ели и пели какие-то песни
вроде не гимн там юннатов про
пенис
и не ижорцы не меря не вепсы
а в сапожищах ножищи опрели

лыжи твои нёс к своим я впридачу
ах не была бы ты если придирчивой
и недоступной (как вспомню про дачу
но не с тобою) касаясь впритирку

в кузове словно лягушки в лукошке
как позабыть мне твоё лубенское
старая дева и виснет налево
оный с двумя или боле нулями

что за бессмыслица с маслицем в
память
десять и сорок спустя нам не впарить
перебирать бисера вздев очки на
скоро и нам уж копыта откинуть

колпичка теплится с дербиной всею
кто её поздний портрет нарисует

нешто рубцовская хилая сволочь
скопом ползущая с вятки и с
вологды

нет то людмила тропкою байкала
колю баюкала или алкала
лет тому с тридцать иль около с
гаком
ты по степям пролетала сайгаком

ныне ж недвижно в лензоовской
клетке
вяло жуёт помертвевшие ветки
очи сайгака подёрнуты плёнкой
лижет не ложе а трупик телёнка

писано было в семнадцать про степи
каларту вовке зачитано взрыдом
в старости вянущей раком простаты
в поле не паханном паче не взрыдом

в поле чудес твоих милых и юных
в воспоминаниях детства порская
тихо лежат под курганами гунны
призрак тарпана по ним не проскачет

так что прощай моя старая дева
слог мой невнятен но я понимаю
тщетно не мне кажет яблоки ева
двадцать шестого какого-то мая

на берегу делавэра пустынном
в новом но старом каком-то там свете
тихую память куроча перстами
с вымершей чудью и с кемью и с
водью

5
там в эстуарии града петрова
водится много наташ но не наши
путь же отсюда туда не проторен
пахнет полынью зовомой емшаном

в старости горсти земли не познавши
грудь обнажает опухшую ведьма
жоюю жирной тряся для позорища
пялит не очи а чёрные бельма

так наблюдения в стих прелагая
мне не понятен позов твой к общенью
для геморроя сиречь перелоз
также и оных туда опущенья

старчик лежит любомудрый воняя
на расстоянии лишь океана
око слепое в печень вперяя
от икебаны до окинавы

айны споют тебе древние сказки
на сахалине и лес уже высох
слёзы в ложбинке текут меж сосками
старче отринь огорчительный посох

несть между вепсами и шикотаном
боле пространства страны что родила
джумангалиевы и чикатилы
схавали малую милую родину

сплошь по есенину в белых берёзках
в пьяни и рвани где целки замшелы
где акмеисты от оси борзеют
тело топча предревкома земшара

там от камчатки до острова эзеля
тощие суслы гузно своё грызли
шварц оседлав среднепьяного вензеля
вялой качалась на члене гортензией

ей в.кривулин вправлял поправляя
некую ауру в остренький носик
на конференции по проблемам
эйкуменизма (с приправой поноса)

в городе мёртвом где гордины братья
нобеля труп раздирают на части
где популярен прозаик а.бартов
с соизволения выше начальства

ты же н.к. ДНК допотопья
некая рваная цепь романтизма
павки и зойки могучая клизма
братца доведшая до ЛТП

лепетом губ и потоком моралей
ты и в постели не сняв панталоны
тщетно китайцы панты маральи
вырежут с мясом для пантокрона

тщетно нанайцы растят свои яйца
ныне амур цианидом замешан
нам уж лет сорок не айн унд цванцихь
и в глубине зеравшана замшелой

6
целкою в возрасте целоканта
под штаны что с багровым кантом
пожевавши стебель аканта
что в гербарий не окантован

что да что в “вечернем нью-йорке”
и в шимани всплывёт твоё имя
вымя семья бремя и темя
поседевшей лысиной мокрой

каковую вчера лечила
но не мне ювелиру мише
ведьма рыжая (сверху) в
лордвилле
евстихеевым охувши

по учебнику дарвинизма
на котором весь круг мой вырос
голова в ущелье дарваза
из журнала “вокруг света”
что пограблен был каскадёмом
в “королевском журнале” халявном
от сиктяха и до кюсюра
по якутке кристине хвалебно

воздыхаю я уже годы
был лобок её гол и гладок
и свершилась дружба народов
и глазели якутские чада

восемь штук или около ближе
белизна её девьих коленей
и вздымался жар её ляжек
к потолку каюты на лене

стадо чад её от казаха
я потом по головкам гладил
о она мне не отказала
а напротив дала не глядя

и всю ночь в тесноте каюты
пили много бутылок водки
и от никеля до кувейта
не встречал я такой работки

было двадцать два мне кристине
ну на годик другой поболее
и всю ночь напролёт киряли
и любились в тоске до боли

может косенька косоглазик
от меня в кюсюре там зачат
не забыть мне её касаний
и лобок мне во тьме маячит

мне бы вепсика от наташи
но она не решилась дура
и лежу теперь отлетавши
к потолку в то давнее утро

тридцать шесть тому миновало
стало костик уж правнуков мает
от баку до перрона минводы
полумёртвый состав ломает

перестук переступ пространства
или времени что вернее
патология перистальтика
и болезни пардон венерические

всё по пушкину как писал я
повторяясь и повторяя
а живу я теперь с опоссумами
и american porcupine

азиатский же с березовским
был на чёрную плёнку отснят
на грудях елены борзея
цвет граната в моём исполнении

совокупно с наташей кучинской
но те кадры замылил кто-то
дикобраз щетиной колючей
добирался не до колготок

а до алых сосцов малютки
промеж ними гранат разломан
и нагого тела молитвой
но отнюдь не эльдар рязанов

параджанов хамдамов это
четверть века гремит моё эхо

самиздат КОНСТАНТИН КУЗЬМИНСКИЙ

12

на пупке твоём моё ухо
и кишка говорит поэту

и кишка говорит с кишкою
прошепчи мне на ушко: “милый”
подо мной раскинься кошмою
только образ меняй и имя

7

ах наташа мне тоже тяжко
и ещё большей частью тошно
школа голой жопы натяжка
и её невинная ножка

зелень глаз ирины харкевич
моей первой любви в натуре
не допит уже “вана таллин”
и давно пора хакарири

стал я циник и медник вкупе
романтизма плоды созрели
поцелуйи и юность не выкупить
уменьшаясь в цене соразмерно

и трава суха вокруг колодца
сам колодец высох и выпит
и откидываю коленца
по инерции ломовые

только память коптит и копит
и хранит и гранит лажая
синеватою птицей колпичей
как пресна мука аржаная

кисел хлеб и тяжёл и влажен
от буханки отстала корочка
только вкус его в губы вложен
с подсолнечным маслом прогорклым

так и память помять как тити те
нецелованные нетронутые
чтоб гипотенузою к катету
ты клонилась лоном недрогнувшим

вспоминаю ту корку чёрную
водку злую зелёную с сургучом
ручку-ножку девичью точёную
что по морде дала б сгоряча

за признания эти страстные
запоздалые равнодушные
нам дожить теперь бы до старости
обложившись мечтой как подушками

8

но не та голова на подушке
седина в ребро не подарок
эту боль внутри не потушишь
свисающим пузом подрагивая

и зеркалкой болея втуне
и закалка души со ржавью
и остатнее око выткну
с головою своей сражаясь

всё во мне ничего во вне же
прав епископ бёркли пожалуй
в зазеркалье как в заонежьи
луговую занюхать пижму

променяв её на пижаму
пропеняв той любви прошедшей
что посеяно то пожато
паче прыгая без парашюта

так наташа лишь лист бумаги
на котором слова как блохи
ты моей души икебана
и моё последнее хобби

розмовляю с тобой на мове
на российской я ж не набоков
и ни слова она не молвит
мне в ответ молча однобоко

всё меж нами: пространство время
а и было ли ближе кожи

и плету словес своих вервие
на кушетке унылой скукожась

расстояние это бремя
лет ли миль километров вёрст ли
и её прохладное вымя
что во льдах гренландии вымерзло

что исландии гейзером взято
в небеса и парит в них облак
твоё тело античной вазой
где-то в греции или около

или окало или плакало
сплошь во времени убывая
ты меня я мною не алкала
чью-то шею руками обвив

месяц замужем жизнь в девицах
по экзюперии эккерману
ибо в жилах не кровь водица
наземь падала окропляя

так не пив и не дав весталкой
проскрипеть до седых на оной
только я тугим ванькой-встанькой
и херовым слепым назоном

на берегах иного лишь понта
что куда подале от рима
аз возлег диогеном потным
вождедения враз отринув

и пока не покаты бочки
на меня из града петрова
мнутся девочки дочки цветочки
сплошь безпашпортные безпортошные

педофилия нынче в моде
не с подачи в.в. а всяко
и какой в компьютере модем
мне по сю неясно невнятно

интернет intercourse астральный
виртуальный реальности модуль
аз же всяко старый стерильный
и размеры куда как medium

но гигантом плоти и духа
возвышается мною я брюхо
брюхоногим моллюском чрева
подотряд vermidea черви

anthoxantum ли odoratum
amphiperl'ой ли glutinos'ой
антон ксанку ли одурачил
комары ли на люстре ноют

всё из курса второго первый
не закончил я не начавши
и какие у turdus'a перья
совка-бражник споёт ночная

9

ну что ж моя элегия
закончена jawohl
как ехал на телеге я
(шимани за спиной)

и зрел анабаптистов
и менонитов тож
вколов антибиотик
здоровья для под кожу

за сим же черноморец
пустил газетный лист
пора его зачморить
друг глезер явно глист

кузьминский с лубенского
на сорок лет созрел
дитячею любовьюю
наташу созерцал

и преподнёс ей веник
а не букет мимоз

поскольку часто циник
впадал в парафимоз

бери наташа нюхай
букет из брачных калл
пошли меня ты на хуй
я этого алкал

нельзя вернуть то время
нельзя глядеть на зад
и обвисает вымя
и увядает зад

ах пушкин нежный пушкин
какой судьбы пассаж
ты кончил на опушке
возьму я пасатижи

чтоб не поставить в рифму
чего-нибудь ещё
любовь уходит в фирму
и блекнет пудра щёк

**“прощай прощай наина
он ей наивно спел
он поглядел на ину
и абрикос созрел”**

как писано лет десять
назад тому годков
и время тесто месит
и рухнул конь с подков

на бреге делавэра
лежу я и молчу
гусарским долломаном
укрыв свою мечту

и прорастёт сквозь тело
какой-нибудь бамбук
прощай ведь ты хотела
узреть меня в гробу

сей список тел погибших
отшедших в мир иной
подобная поганка
случилось не со мной

я здрав но духом бледен
и мысль порастянув
с катетром рыцарь бедный
скакал под простынёй

до встречи той на сене
(уже в миру другом)
ты сядешь на колени
маячит мне дурдом

и холиным глаголя
(про **сению сени фень**)
верчусь в гробу я гоголем
почти что каждый день

что не было то было
а то что есть не в счёт
стоят ряды бутылок
и в каждой ты живёшь

10

фанфаном и фанфарами
ты пахнешь нююфарами
и фонари горят построенные в ряд
как писано:

**“корделия
воткнув в зад асфоделию”**
примеривала брачный свой наряд

как писано как какано
на канапе какао пья
прощай моя откатная
рассветная закатная
любовь от фонаря до фонаря

которые в деревне не горят

/26? мая 1998/